

УДК: 330.35.01; 338.46

Основания для восстановительного роста бизнеса после пандемии COVID-19

Д-р экон. наук **Шапиро Н.А.** nshapiro@ Herzen.spb.ru

Российский Государственный Педагогический Университет им. А.И. Герцена,
191186, Россия, Санкт-Петербург, набережная реки Мойки, д. 48. к. 6

Предметом данного исследования является проблематика восстановительного роста экономики после завершения пандемии-covid-19. Цель исследования состоит в том, чтобы показать качественное различие причин кризиса, вызванного вирусной пандемией, и кризисов, связанных с политическими, экономическими и финансовыми причинами, которые имели место в XX-XXI вв. Различие причин влечет принципиальные отличия в средствах обеспечения восстановительного роста. Используя метод эволюционного конструктивизма, в статье рассмотрены две наиболее известные концепции восстановительного роста в истории XX в в России: концепция Громана В и концепция Гайдара Е. Сделан вывод, что проблема рассматривалась в координатах, во-первых, восстановления утраченного уровня благосостояния, а, во-вторых, через различные варианты взаимодействия плановых и рыночных инструментов. В предлагаемых стратегиях восстановления экономики в пост-пандемический период обсуждение проблемы идет в таком же контексте. Автор статьи относится к предлагаемым решениям критически. Но, поскольку окончание пандемии-covid-19 является на данном этапе лишь предметом прогноза, и нет возможности привести репрезентативную статистику, которая могла бы служить доказательством в пользу альтернативного мнения, в статье приводятся логические доводы. Высказывается предположение, что основанием восстановительного роста после пандемии covid-19 будут те сегменты предпринимательства, которым удалось сохраниться в период разрушения глобальной экономики пандемией коронавируса. Наблюдения показывают, что сохранившимися сегментами являются отрасли и предприятия, которые смогли развиваться на основе ИКТ и цифровой экономики. Погружение в процесс цифровизации позволяет построить бизнес на бесконтактных коммуникациях, что является принципиально важным для условий, при которых контактные коммуникации являются источником опасных для жизни вирусных заболеваний. В массовом производстве преобладающим типом технологии должны стать цифровые, поскольку только они способны изменить характер взаимодействия экономических субъектов. Следовательно, стратегии государственного регулирования должны быть нацелены не только на восстановление утраченных процентов ВВП, а на качественное изменение технической основы производства, снижающей контактные коммуникации и выстраивающей принципиально новые формы взаимодействия в экономике и бизнесе.

Ключевые слова: восстановительный рост, пандемия covid-19, кризис, рецессия, санкции, анти-хрупкость, коммуникации, цифровизация, бизнес.

DOI: 10.17586/2310-1172-2020-13-2-58-64

Reasons for Business Recovery after the pandemic COVID-19

D.Sc. **Shapiro N.A.** nshapiro@ Herzen.spb.ru

The Herzen State Pedagogical University of Russia
Saint-Petersburg, Russia, 191186, Moika River seafront, 48, building 6

The subject of this study is the problem of economic recovery after the pandemic-covid-19. The purpose of the study is to show a qualitative difference between the causes of the crisis caused by the viral pandemic and the crises associated with political, economic and financial reasons that took place in the XX-XXI centuries. The difference in causes entails fundamental differences in the means of ensuring recovery growth. Using the method of evolutionary constructivism, the article considers two of the most well-known concepts of recovery growth in the history of the 20th century in Russia: the concept of Groman V. and the concept of Gaidar E. It is concluded that the problem was considered in the coordinates, firstly, of restoring the lost level of well-being, and, secondly, through various options for the interaction of planned and market instruments. The proposed strategies for economic recovery in the post-pandemic period discuss the problem in the same context. The author of the article is critical of the pro-

posed solutions. But, since the end of the covid-19 pandemic is at this stage only a subject of forecast, and there is no way to provide representative statistics that could serve as evidence in favor of an alternative opinion, the article gives logical arguments. It has been suggested that the basis for recovery growth after the covid-19 pandemic will be those segments of the business that managed to survive during the collapse of the global economy by the coronavirus pandemic. Observations show that the remaining segments are industries and enterprises that have been able to develop on the basis of ICT and the digital economy. Immersion in the digitalization process allows you to build a business on contactless communications, which is crucial for conditions in which contact communications are a source of life-threatening viral diseases. In mass production, digital should become the predominant type of technology, since only they can change the nature of the interaction of economic entities. Consequently, government regulation strategies should be aimed not only at restoring lost percent of GDP, but at a qualitative change in the technical basis of production, which reduces contact communications and builds up fundamentally new forms of interaction in the economy and business.

Keywords: recovery growth, covid-19 pandemic, crisis, recession, sanctions, anti-fragility, communications, digitalization, business.

Введение

Развернувшаяся пандемия - covid-19, безусловно, когда-нибудь закончится. С ослаблением мер самоизоляции становится очевидным, что формы прежней жизни, построенные в основном на контактных коммуникациях постиндустриальной экономики, уходят в прошлое. Потому имеет смысл не только исследовать происходящее, но и представлять, говоря журналистским языком «постковидное» будущее или постковидный мир (A Post-covid World). Западные агентства по распространению научной продукции сделали коронавирную проблематику абсолютным приоритетом. «Elsevier», например, открыл специальный новый каталог ресурсов коронавируса, включающий исследования по широкому кругу направлений, включая биомедицинские, инженерные, образовательные, экологические, педагогические, психологические и др. разделы [1].

Глобальные контактные коммуникации, возможности которых были предопределены уровнем технического развития и международными правилами мобильности населения привели к нарушению экологического баланса, проявившегося в подрыве равновесия микробиологической среды обитания человечества. Как считают ученые, микробиологический баланс среды подорван всерьез и надолго, в этой связи плотность глобальных коммуникаций, требует теперь иных форм социальности, способных восстанавливать, говоря словами английского социолога Э. Гидденса, уже несколько десятилетий исследующего подрыв налаженных форм повседневности, «доверие и онтологическую безопасность» [2].

Как свидетельствуют исследования, посвященные последствиям коронавируса, вариантов позитивного решения проблемы может быть несколько. Так, в Австралийском национальном университете рассматривают семь возможных сценариев развития [3], комплекс из семи политэкономических действий непосредственного выхода из кризисного состояния экономики после пандемии [4]. Не отрицая возможности разнообразия вариантов решения проблемы, представляется важным отметить, что оно должно быть найдено в формах, адаптированных к новым обстоятельствам. Проблема не может быть решена через стратегию возобновления, перезапуска форм «доковидного» периода. Возобновление или перезапуск чреват восстановлением прежнего уровня коммуникаций, что лишь приведет к новой волне нагрянувшей катастрофы. В этом принципиальная сложность моделирования «постковидного» будущего. Восстановление стабильной жизни состоит при условии, если существующие экономические факторы и возможности их использования будут правильно оценены в качестве оснований новых экономических отношений в изменившихся условиях.

Теоретические концепции восстановительного роста

Обращаясь к анналам экономической теории и историям практик можно однозначно утверждать, что проблематика восстановительного роста не является принципиально новой. В рамках исследований восстановительного роста можно выделить, как минимум, три варианта понимания проблемы. Первый вариант связан с общей теорией циклов и его фазой рецессии, как периода, в течение которого экономика восстанавливается до прежних параметров подъема. Второй вариант – это восстановление экономики после военных или революционных катаклизмов.

Первый и второй вариант восстановительного роста активно обсуждался в XX веке и еще более актуализировались в веке XXI, когда необходимость восстановительного роста накатывалась волнами одна на другую как следствие нарушение глобального экономического порядка, который пытались установить страны-лидеры экономического развития. Это было связано с мировым финансовым кризисом 2008-2009гг, кри-

зисом, последовавшим за политико-административными действиями в виде санкций и анти-санкций к России в 2014г. Глобальные кризисы, безусловно, были вызовами, а точнее, призывами к установлению новой реальности. Однако мировая экономика, так или иначе, тяготела к восстановлению старой системы, с некоторой перегруппировкой известных элементов глобальной экономики.

Для России проблема восстановительного роста стала актуальной еще до действия глобальных причин. Стране надо было восстановить экономику после дефолта 1998г., а чуть раньше в начале 90-х годов XXв., после краха СССР, в середине века – после Второй мировой войны, в начале XXв. после Первой мировой войны и Октябрьской революции-1917г. Частота восстановительных практик последнего столетия в России ни могла ни найти отражения в теоретическом осмыслении.

Как отмечают историки [5], понятие восстановительного роста ввел в научный лексикон российский экономист В. Громан, в работах 20-х годов прошлого века. Согласно его трактовке, восстановительный рост имеет место тогда, когда после экономического кризиса рост экономики происходит за счет использования ранее созданных производственных мощностей, ранее обученной рабочей силы. Можно сказать, используя современные понятия, без использования инноваций, но с определенными институциональными новшествами [6]. Восстановительный рост характеризуется предельно высокими темпами на начальном этапе. Для запуска восстановительного роста важна ликвидация дезорганизации и восстановление хозяйственных связей. Такое трактовка сложилась у В. Громана из наблюдений в 1923 – 1924 хозяйственных годах, после введения НЭПа (новой экономической политики), допускавшей развитие экономики на рыночных принципах, после политики военного коммунизма.

Более поздним автором, развивающим идеи восстановительного роста, был Е. Гайдар [7]. Для него объектом изучения был восстановительный рост постсоциалистического перехода от планового хозяйства к рыночному. Этот исторический период рассматривался Е. Гайдарином как процесс трансформационной рецессии, трудности которой связывались с зависимостью от предшествующего развития, преодоления которой виделось либо шоковым, либо градуалистским путем, (Россия, как известно, выбрала шоковый). Для каждого из указанных путей важна финансовая стабильность, достижимая релевантным выбором систем денежной и бюджетной политики.

Исследования В. Громана, и Е. Гайдара подтверждали, что восстановление нормальной жизни наиболее быстрым способом происходит при рыночных отношениях.

Безусловно, что нельзя пренебрегать теоретическими изысканиями и практическими выводами авторов, изучавших восстановительные проблемы экономики более поздних периодов, уже в XXIв.. Например, результатами анализа, показавшего причины и факторы устойчивости малого и среднего бизнеса в кризис 2008-2009гг [8], или отечественным опытом перехода на новые технологии в условиях санкций [9], или не учитывать новых тенденций влияния информационных технологий на экономический рост и производительность [10]. Важно видеть проблемы восстановительного роста в адекватном контексте причин, вызвавших кризис, и тогда они не утратят своей пользы.

Пандемия коронавируса дает основания к выделению третьего варианта восстановительного роста, когда разрушения вызваны причинами несоциальной природы. В поисках аналогов появились исследования, посвященные пандемиям, и их угнетающего влияния на экономику в XX веке [11], [12]. Особенность таких процессов является то, что причина сбоя лежит глубже, чем институциональный, социальный и даже технократический уровень. Это уровень эколого-биологический.

Поэтому, преодолевая такое природное бедствие, как пандемия коронавируса, в становлении обычной жизни важно не упускать из поля зрения три момента: 1) что из разрушенного в прежней жизни оказалось хрупким, т.е. разрушенным элементом, а 2) что представляет собой ее анти-хрупкую составляющую в комплексе социальных, природных и технических факторов, и 3) что в определении хрупкости и анти-хрупкости важно выйти за экономические рамки противопоставления государства/плана и рынка, о чем шла речь в выше упомянутых концепциях восстановительного роста.

Идея анти-хрупкости и восстановительный рост

Идея «анти-хрупкости» была высказана Н.Н.Талебом – американским исследователем ливанского происхождения – в начале XXI века. «Есть вещи и явления, которым встряска идет на пользу; они расцветают и развиваются, сталкиваясь с переменчивостью, случайностью, беспорядком, стрессорами. Однако, невзирая на то, что данный феномен наблюдается повсеместно, у нас нет слова, которым можно точно обозначить противоположность хрупкости. Назовем это качество “анти-хрупкостью”» [13, с.20].

Восприятие концепции «анти-хрупкости» было неоднозначным. Одни рассматривали её как виртуальную фантазию, говоря словами русского поэта А. Вознесенского «...Антимиры! Фантасты - посреди му-

ры», других привлекала философская составляющая «анти-хрупкости», и третьи все-таки видели в ней, как и Талеб, определенные свойства действительной реальности [14].

Следует заметить, что современное бытие все чаще сталкивает нас с явлениями, обозначаемыми словами, начинающимися с приставки «анти»: анти-кафе, анти-суши, антиплагиат, анти-спам, антивирус, антите-ла, антифашист и пр. В пространстве профессионального экономического дискурса также есть понятия, начинающиеся с приставки «анти» – анти-благо, антикризисное управление, антикризисная, антиинфляцион-ная политика и т.д. В любом случае приставка «анти» указывает на то, что свойство, обозначаемое корнем слова, скрыто во внешних проявлениях, а термин в целом не несет в себе этически негативный смысл, как, например, антигосударственная деятельность или антикультура.

Согласно логике концепции анти-хрупкости как феномена противоположности хрупкости, приставка «анти» предполагает обозначение тех качеств социально-экономической жизни, которые позволяют ей сохраняться и восстанавливаться после разного рода потрясений, т.е. обладают анти-хрупкостью.

Если принять существование некой «антихрупкости» как свойства всех естественных (и сложных) систем, которое позволяет им выживать, то это означает, что, «лишая эти системы воздействия переменчивости, случайности и стресса, мы им, по сути, вредим. В результате такие системы ослабнут, умрут или разрушатся. А современный жестко структурированный глобальный мир наносит удар по этой некой устойчивой субстанции или антихрупкости систем. «Мы сделали хрупкими экономику, наше здоровье, политическую жизнь, образование, почти все на свете... подавляя случайность и переменчивость» [13, с.22].

Продолжая логику Талеба, встает вопрос о том, что же разрушает анти-хрупкость? Если хрупкость разрушает переменчивость, случайность и стресс, а анти-хрупкость эти же факторы укрепляют, то стабильность, определенность и спокойствие разрушают анти-хрупкость. Но в таком случае следует вести речь о двух группах факторов, которые являются с одной стороны альтернативными по характеру свойств и взаимозаменяемыми по функциям или условиям действия. Нет абсолютной или безусловной хрупкости у свойств систем, так и анти-хрупкости, все зависит от адекватности условий, в которых та или иная система существует. И такая зеркальная трактовка анти-хрупкости может быть приложима к политике, образованию, экономике, финансам, предпринимательству и проч.

Ю.М.Осиповым была сформулирована проблема, под названием российский анти-кризис [15]. Рассуждая о кризисе в рамках риторики восстребованности перемен, о кризисе как непреходящем условии меняющегося бытия, он сделал вывод, что кризис есть выворачивания бытия к негативу, тогда как понятие анти-кризиса появляется как «выворачивание уже вывернутого бытия – к позитиву». Российский анти-кризис – это то, что позволяет стране не утрачивать своей самобытности и сохраняться значимой в мировом развитии при разных миропорядках. У современной России сила быть процветающей страной еще недостаточно крепка, точнее она ищет те формы, где бы могла проявиться в полной мере. Анти-кризис предлагается трактовать не как восстановительный рост или набор антикризисных инструментов, а имманентное свойство страны, которое не позволяет ей быть разрушенной, в какие бы сложные кризисные условия страна ни попадала. Российский анти-кризис представляется в данном случае как феномен.

Цифровая экономика как основания для развития предпринимательства в «постковидной» экономике

Современный кризис, вызванный пандемией Covid-19, можно рассматривать как тест на анти-хрупкость тех систем, инструментов, механизмов, которые существовали в «докоронавирусном» мире и могут послужить появлению нового. Поскольку природа рыночной экономики реализуется в бизнесе, то именно бизнес, его формы, масштабы и эффективность определяет уровень развития экономики страны и возможности социально-экономического развития. Наблюдения в период пандемии показывают, что выжил тот бизнес, который, говоря бытовым языком, смог работать «на удёлке». Возможность «удалёнки» обеспечивается информационно-коммуникационными технологиями (ИКТ), особенно в их продвинутом техническом стандарте – цифровизации.

Цифровизация продвинула и укрепила материально-технические возможности развития постиндустриальной экономики как экономике сервисно-цифрового типа, где деление благ на товары и услуги представляется относительным, условным. Размытие границ между производством материальных и нематериальных благ, происходит в рамках модели «товар + услуга», в которой продукты и услуги «связаны», а потребителю вместе с товаром гарантируется набор сопутствующих услуг. Под влиянием цифровизации происходит постепенная трансформация отношений между продавцами и покупателями, их взаимодействие все чаще происходит в Сети, бизнес переходит в цифровую форму. Цифровая трансформация отношений на рынке влечет за собой упрощение торговых процедур путем перехода в цифровую форму, активному использованию электронной торговли. Возникают новые формы проявления рыночного спроса (модель подписки, шеринг-

экономика, персонализация). На стороне рыночного предложения Интернет позволил продавцам предлагать по низким ценам широкий ассортимент товаров, он увеличил пространство и время, в течение которого тот или иной продукт является жизнеспособным [16]. Несомненно, что цифровым технологиям мы обязаны изменениям повседневной жизни в сторону комфорта. Досуг стал разнообразнее, работа с устройствами легче, сбор информации быстрее, совершать покупки стало возможным, не выходя из дома.

Современные ИКТ позволяют вырабатывать совместные управленческие решения, передавать важную визуальную информацию, необходимую, например, для принятия оперативных решений врачами, инженерами, конструкторами без непосредственного контакта. Практически везде, где для производства товара или услуги нет необходимости в контактной коммуникации с различными клиентами или покупателями в осуществлении прямой и обратной связи, применяются цифровые технологии и, соответственно, продолжается функционирование бизнеса. ИКТ в условиях цифровизации меняют традиционные представления о том, как фирмы могут существовать и как ими можно управлять, каким образом они взаимодействуют между собой и как потребители получают доступ к товарам и услугам, пользуясь бесконтактными формами коммуникаций.

Всё, что без ущерба для блага и потребителя может быть переведено в формат цифровой экономики, обладает свойством анти-хрупкости, и это будет развиваться, в первую очередь, на волне восстановительного роста. Самым хрупким сегментом постиндустриальная экономика оказалась экономика впечатлений или экономика свободного времени, включая экономику гостеприимства, индустрию фитнеса, красоты и здоровья, которые были широко развиты в городских агломерациях, создавали значительное количество рабочих мест, привлекая большие массы посетителей на ограниченных локациях и предполагающие бесконтактные коммуникации. Для снятия проблем в развитии данного сегмента, безусловно, важно, чтобы государство, вырабатывая критерии безопасности [17], включала новые параметры по обеспечению безопасных социальных коммуникаций. Нетрудно предположить, что средствами контроля за соблюдением новых коммуникационных стандартов безопасности могут стать новые разработки цифровых технологий и, возможно, новые формы бизнеса (как нынешние охранные структуры, только теперь это будут технологии и оборудование по контролю за соблюдением стандартов коммуникаций).

Вывод. Таким образом, «пост-ковидный мир» – это мир цифровой экономики, ее распространения, развития и внедрения в различные формы бизнеса и его модернизацию. Цифровая экономика является анти-хрупким основанием надежности и защиты от угроз несоциальной природы. Утверждение абсолютно не новое, но пандемия - covid-19 актуализировала его, показав, что цифровые технологии являются тем актуальным технологическим стандартом, который может адаптировать формы бесконтактного взаимодействия для дальнейшего развития экономики и общества. Но трудно представить жизнь человека без традиционного, контактного общения, и оно, безусловно, сохранится в тех формах, которые сегодня часто называют уходящими и отмирающими, таких как семья, брак или домашнее хозяйство. Ценность таких институтов в условиях распространения бесконтактных коммуникаций принципиально измениться.

Литература

1. «Elsevier» – <https://www.elsevier.com/>
2. Giddens A. The Constitution of Society. Outline of the Theory of Structuraion. Cfmbridge: Polity press, 1982, p.50
3. McKibbin W. J. and Fernando R. The Global Macroeconomic Impacts of COVID-19: Seven Scenarios/ Warwick J. McKibbin and Roshen Fernando // CAMA Centre for Applied Macroeconomic Analysis. Crawford School of Public Policy Australian National University. Working Paper 19 February 2020. Electronic copy available at: <https://ssrn.com/abstract=3547729>
4. Chohan U.W. A Post-Coronavirus World 7 points of discussion for a new political economy/ Dr. Usman W. Chohan Director, Economics & National Affairs Centre for Aerospace & Security Studies (CASS) CASS Working Papers on Economics & National Affairs. Electronic copy available at: <https://ssrn.com/abstract=3557738>
5. Ясный Н. Советские экономисты 1920-х годов. Долг памяти. Гл. 6. Владимир Густавович Громан – М.: Дело, 2012. 340с
6. Громан В.Г. О некоторых закономерностях, эмпирически обнаруживаемых в нашем хозяйстве. Библиогр. работ В. Г. Громана и о В. Г. Громане / Под ред.Е.Г.Ясина, В.В.Иванова – М.:Центральный экономико-математический институт, 1991. Т. 55. Сс. 217-227.
7. Гайдар Е.Т. Долгое время. Россия в мире. Очерки экономической истории/ Егор Гайдар/ Гл.9.Постсоциалистический кризис и восстановительный рост. Изд-во АСТ, 2015, 736с.

8. *Полторацкая Т.Б.* Экономико-статистический анализ организационно-правовых форм бизнеса, устоявших в кризис // *Управление экономическими системами: электронный научный журнал.* 2016. № 6 (88). С. 39.
9. *Василёнок В.Л., Алексахина Е.И.* Российский опыт перехода на новый технологический уровень в условиях санкций // *Научный журнал НИУ ИТМО. Серия: Экономика и экологический менеджмент.* 2016. № 3.С.1-11.
10. *Вахитова Л.Р.* Влияние информационных технологий на экономический рост и производительность // *Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена.* 2007. Т. 11. № 32. Сс. 54-58.
11. *Correia S., Luck S., and Verner E.* Pandemics Depress the Economy, Public Health Interventions Do Not: Evidence from the 1918 Flu / Sergio Correia, Stephan Luck, and Emil Verner / Working Paper, March 26, 2020 Electronic copy available at: <https://ssrn.com/abstract=3561560>
12. *Barro, R. J., J. F. Ursúa, and J. Weng.* The coronavirus and the great influenza pandemic: Lessons from the “spanish flu” for the coronavirus’s potential effects on mortality and economic activity. Working Paper 2020, March, 26866, National Bureau of Economic Research.
13. *Талёв Н.Н.* Антихрупкость. Как извлечь выгоду из хаоса. – М.: КоЛибри, 2014.
14. *Шаниро Н.А.* Онтологический смысл концепций «анти». Экономическая теория в XXI веке – 9(16): Российский антикризис и экономическая наука /Под ред. Ю.М. Осипова, В.М. Юрьева, Е.С. Зотовой. – М.; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина. 2015. Сс. 325-331.
15. *Осипов Ю.М.* Российский антикризис / В сборнике: Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. РАН. ИНИОН. Отд. науч. сотрудничества; Отв. ред. В.И. Герасимов, Д.В. Ефременко. Москва, 2016. Сс. 59-63.
16. *Скляр М.А., Кудрявцева К.В.* Цифровизация: основные направления, преимущества и риски// *Экономическое возрождение России.* 2019. № 3 (61). Сс. 103-114.
17. *Кайманов С.В.* Многоуровневый подход к исследованию эффективности производства и экономической безопасности// *Философия хозяйства.* 2016. № 6 (108). Сс. 142-151.

References

1. «Elsevier» – <https://www.elsevier.com/>
2. Giddens A. *The Constitution of Society. Outline of the Theory of Structuraion.* Cfmbridge: Polity press, 1982, p.50
3. McKibbin W. J. and Fernando R. *The Global Macroeconomic Impacts of COVID-19: Seven Scenarios/* Warwick J. McKibbin and Roshen Fernando // CAMA Centre for Applied Macroeconomic Analysis. Crawford School of Public Policy Australian National University. Working Paper 19 February 2020. Electronic copy available at: <https://ssrn.com/abstract=3547729>
4. Chohan U.W. *A Post-Coronavirus World 7 points of discussion for a new political economy/* Dr. Usman W. Chohan Director, Economics & National Affairs Centre for Aerospace & Security Studies (CASS) CASS Working Papers on Economics & National Affairs. Electronic copy available at: <https://ssrn.com/abstract=3557738>
5. Yasnyi N. *Sovetskie ekonomisty 1920-kh godov. Dolg pamyati.* Gl. 6. Vladimir Gustavovich Groman – М.: De-Lo, 2012. 340 s.
6. Groman V.G. *O nekotorykh zakonomernostyakh, empiricheski obnaruzhivaemykh v nashem khozyaistve.* Bibliogr. rabot V. G. Gromana i o V. G. Gromane / Pod red.E.G.Yasina, V.V.Ivanova – М.:Tsentral'nyi ekonomiko-matematicheskii institut, 1991. Т. 55. Sc. 217-227.
7. Gaidar E.T. *Dolgoe vremya. Rossiya v mire. Ocherki ekonomicheskoi istorii/* Egor Gaidar/ Gl.9.Postsotsialisticheskii krizis i vosstanovitel'nyi rost. Izd-vo AST, 2015, 736s.
8. *Poltoratskaya T.B.* Ekonomiko-statisticheskii analiz organizatsionno-pravovykh form biznesa, ustoyav-shikh v krizis // *Upravlenie ekonomicheskimi sistemami: elektronnyi nauchnyi zhurnal.* 2016. № 6 (88). S. 39.
9. *Vasilenok V.L., Aleksashkina E.I.* Rossiiskii opyt perekhoda na novyi tekhnologicheskii uroven' v usloviyakh sanktsii // *Nauchnyi zhurnal NIU ITMO. Seriya: Ekonomika i ekologicheskii menedzhment.* 2016. № 3.С.1-11.
10. *Vakhitova L.R.* Vliyanie informatsionnykh tekhnologii na ekonomicheskii rost i proizvoditel'nost' // *Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena.* 2007. Т. 11. № 32. Ss. 54-58.
11. *Correia S., Luck S., and Verner E.* Pandemics Depress the Economy, Public Health Interventions Do Not: Evidence from the 1918 Flu / Sergio Correia, Stephan Luck, and Emil Verner / Working Paper, March 26, 2020 Electronic copy available at: <https://ssrn.com/abstract=3561560>

12. Barro, R. J., J. F. Ursúa, and J. Weng. The coronavirus and the great influenza pandemic: Lessons from the “spanish flu” for the coronavirus’s potential effects on mortality and economic activity. Working Paper 2020, March, 26866, National Bureau of Economic Research.
13. Taleb N.N. Antikhrupkost'. Kak izvlech' vygodu iz khaosa. – М.: KoLibri, 2014.
14. Shapiro N.A. Ontologicheskii smysl kontseptsii «anti». Ekonomicheskaya teoriya v XXI veke – 9(16): Ros-siiskii antikrizis i ekonomicheskaya nauka /Pod red. Yu.M. Osipova, V.M. Yur'eva, E.S. Zotovoi. – М.; Tambov: Izdatel'skii dom TGU im. G.R. Derzhavina. 2015. Sc. 325-331.
15. Osipov Yu.M. Rossiiskii antikrizis / V sbornike: Rossiya: tendentsii i perspektivy razvi-tiya. Ezhegodnik. RAN. INION. Otd. nauch. sotrudnichestva; Otv. red. V.I. Gerasimov, D.V. Efremenko. Moskva, 2016. Ss. 59-63.
16. Sklyar M.A., Kudryavtseva K.V. Tsifrovizatsiya: osnovnye napravleniya, preimushchestva i riski // *Ekonomicheskoe vozrozhdenie Rossii*. 2019. № 3 (61). Ss. 103-114.
17. Kaimanakov S.V. Mnogourovnevnyi podkhod k issledovaniyu effektivnosti proizvodstva i ekonomiche-skoi bezopasnosti // *Filosofiya khozyaistva*. 2016. № 6 (108). Ss. 142-151.

Статья поступила в редакцию 21.04.2020 г